НЕ ХРАНИТЬ ПРИ СВЕТЕ

BLACK WITCH

Black Witch
Не хранить при свете

https://litres.ru/74168967
SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самое страшное происходит не в заброшенных домах, не на кладбищах и не в глухих лесах. Оно случается в обычных квартирах, на дачах, в поездах, больницах, деревенских домах и подъездах, где каждый день ходят люди.

Герои этих историй не называют себя смельчаками. Они просто однажды столкнулись с тем, чему не нашли объяснения. Кто-то услышал голос умершего родственника. Кто-то увидел в окне лицо там, где не мог стоять человек. Кто-то получил звонок с номера, который давно не существовал.

Этот сборник — художественная обработка рассказов, оформленных как свидетельства реальных людей. Здесь нет готовых ответов. Только события, после которых невозможно жить так, будто ничего не было.

Содержание

Глава 4
1. Не открывай, это я 5
2. Квартира на последнем этаже 9
3. Чужая бабушка 13
4. Ночной пассажир 17
5. Пустая палата 21
6. Голос из колодца 25
7. Фото, которого не было 29
8. Сосед сверху 33
9. Девочка у дороги 37
10. Дом, который не хотел продаваться 41
11. Третья кровать 45
12. Звонок после похорон 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Black Witch
Не хранить при свете

Глава

Предупреждение

Все истории в сборнике представлены в литературной обработке. Имена, места и отдельные детали изменены для сохранения анонимности рассказчиков и усиления художественного эффекта. Сборник предназначен для взрослой аудитории и любителей мистики, необъяснимых случаев и атмосферных страшных рассказов.

1. Не открывай, это я

Рассказала Марина, 34 года.

Это случилось со мной восемь лет назад, но я до сих пор не могу спокойно слышать ночной стук в дверь.

Тогда я жила одна в маленькой однокомнатной квартире на окраине города. Дом был обычный: девять этажей, старый лифт, облупленные стены в подъезде, вечный запах сырости и жареного лука. Ничего мистического. Самое страшное, что там обычно происходило, — это пьяные соседи по пятницам.

Моя мама жила в другом районе. Мы часто созванивались, особенно по вечерам. У неё было слабое сердце, и я постоянно за неё переживала. В тот день она позвонила около десяти вечера, сказала, что устала и ложится спать. Голос был обычный, спокойный.

— Ты дверь никому не открывай, — вдруг сказала она в конце разговора.

Я засмеялась.

— Мам, я не ребёнок.

— Всё равно. Сегодня не открывай.

Я тогда не придала этому значения. Мама часто тревожилась без причины. Я пожелала ей спокойной ночи, выключила ноутбук и легла спать.

Проснулась я от стука.

Не от звонка в дверь, а именно от стука. Тихого, осторож-

ного. Три раза.

Тук. Тук. Тук.

Я сначала подумала, что мне приснилось. Лежала в темноте и слушала. В квартире было тихо. За окном горел фонарь, на потолке лежал жёлтый прямоугольник света.

И снова:

Тук. Тук. Тук.

Я посмотрела на телефон. 02:14.

Сердце сразу начало биться быстрее. Ночью к одинокой женщине просто так не стучат. Я встала, на цыпочках подошла к двери и посмотрела в глазок.

На площадке стояла мама.

Я помню это абсолютно отчётливо. Она была в своём сером пальто, в платке, который всегда завязывала под подбородком. Стояла близко к двери, опустив голову, поэтому лица я почти не видела.

Я чуть не открыла сразу.

Рука уже легла на замок, когда я вспомнила её вечерние слова: «Сегодня не открывай».

Я замерла.

— Мам? — спросила я через дверь.

Она не ответила.

— Мам, что случилось?

Тишина.

Потом она подняла голову и посмотрела прямо в глазок.

Я отшатнулась так резко, что ударилась спиной о стену.

Это было лицо моей мамы. Но какое-то неправильное. Слишком бледное, слишком гладкое. Глаза казались тёмными, будто в них не отражался свет лампочки на площадке. Она улыбалась. Мама никогда так не улыбалась.

Потом за дверью прозвучал её голос:

— Открой, это я.

Голос был мамин. До последней интонации. Но что-то в нём было пустое, как в записи.

Я стояла и молчала.

— Марина, открой. Мне холодно.

У меня началась паника. Я схватила телефон и набрала мамин номер. Гудки шли долго. За дверью женщина не двигалась.

Наконец мама ответила. Сонная, испуганная.

— Марин? Что случилось?

Я чуть не расплакалась.

— Ты где?

— Дома. Сплю. А что?

В этот момент за дверью снова сказали:

— Не звони ей. Открой мне.

Я закричала.

Мама в трубке тоже закричала, спрашивала, что происходит. Я не могла ответить. Только сползла по стене на пол и смотрела на дверь.

Стук продолжался до трёх ночи.

Иногда она говорила:

— Открой.

Иногда:

— Я же твоя мама.

Один раз сказала совсем тихо:

— Если не откроешь, я всё равно войду.

Потом всё стихло.

Я просидела в коридоре до рассвета. Утром позвонила соседу, попросила выйти на площадку. Там никого не было. Но на коврике перед моей дверью лежал мамин старый носовой платок. Тот самый, с вышитой буквой «Л». Я видела его у неё много раз.

Когда я приехала к маме, она была дома. Живая. Испуганная. Платок она не могла найти уже несколько месяцев.

Мы так и не поняли, кто приходил ко мне той ночью.

Через год мама умерла. После похорон я разбирала её вещи и нашла в ящике стола записку, написанную её рукой:

«Если ночью приду и попрошу открыть — не открывай. Это буду не я».

Я не знаю, когда она это написала.

И больше всего боюсь узнать, откуда она знала.

2. Квартира на последнем этаже

Рассказал Игорь, 41 год.

Я никогда не верил в мистику. Даже сейчас мне проще сказать, что я чего-то не понимаю, чем признать, что столкнулся с чем-то сверхъестественным. Но после той квартиры я больше не смеюсь над людьми, которые боятся пустых комнат.

В 2016 году я работал риелтором. Один знакомый попросил помочь продать квартиру его умершей тёти. Дом был старый, кирпичный, пятиэтажный. Квартира находилась на последнем этаже. Двушка, угловая, с высокими потолками и окнами во двор.

Цена была хорошая. Даже слишком хорошая.

Знакомый сразу предупредил:

— Есть нюанс. Покупатели уходят после просмотра.

— Почему?

— Говорят, неприятно там.

Я тогда усмехнулся. Подумал: сырость, старый ремонт, запах лекарств после пожилого человека. Обычное дело.

Ключи он передал мне вечером. Я решил заехать сразу после работы, сделать фотографии и составить описание.

Подъезд был тёмный, лампочки горели только на первом и четвёртом этажах. На пятом света не было. Я включил фонарик на телефоне, открыл дверь и вошёл.

Запах действительно был странный. Не трупный, не затхлый. Скорее запах старой пыли и чего-то сладкого, как переваренное варенье.

Квартира была почти пустая. В комнате стоял шкаф, диван, сервант с мутным стеклом. На кухне — стол, две табуретки и старый холодильник.

Я сделал несколько снимков прихожей, потом комнаты. В какой-то момент заметил, что на всех фотографиях получается тёмное пятно в углу у окна. Глазами я ничего там не видел, а на экране телефона пятно было. Как будто кто-то стоял боком к камере.

Я протёр объектив, сделал ещё фото. Пятно осталось.

Тогда мне стало неприятно, но не страшно. Я решил закончить быстрее.

На кухне обнаружилась странная вещь: на столе стояла чашка с чаем. Чай был свежий. От него шёл пар.

Я точно помню, что квартира была закрыта. Знакомый говорил, что после смерти тёти туда никто не заходил, кроме него, и то неделю назад.

Я потрогал чашку. Горячая.

В этот момент за моей спиной скрипнула табуретка.

Я резко обернулся. Никого.

Только в дверном проёме висела темнота прихожей.

Я сказал вслух:

— Есть кто-нибудь?

В ответ из комнаты донёсся тихий женский голос:

— Не продавайте.

Я не побежал. Наверное, от шока. Просто стоял и слушал, как сердце стучит где-то в горле.

Голос повторил:

— Не продавайте мою квартиру.

Я вышел из кухни, посветил фонариком в комнату. Пусто. Но дверца серванта была открыта. Хотя раньше точно была закрыта.

Внутри стояли рюмки, фарфоровые статуэтки, старые открытки. На средней полке лежала фотография женщины лет семидесяти. На обороте было написано: «Валентина Павловна, 1998».

Я понял, что это умершая хозяйка.

И тут где-то совсем рядом, как будто мне в ухо, прошептали:

— Я здесь.

Я выбежал из квартиры, даже свет не выключил. Дверь захлопнул, ключи еле вставил в замок, руки тряслись.

На следующий день я позвонил знакомому и сказал, что не буду заниматься продажей. Он долго молчал, потом признался, что его тётя перед смертью просила квартиру не продавать. Говорила: «Я всё равно останусь».

Через месяц он всё-таки нашёл другого риелтора. Квартиру купила молодая пара.

Они прожили там десять дней.

Потом съехали ночью, оставив часть вещей. Причину ни-

кому не объяснили. Сказали только, что женщина на кухне не даёт им спать.

Квартира до сих пор стоит пустая. Иногда знакомый просит меня помочь снова выставить её на продажу.

Я каждый раз отказываюсь.

Потому что однажды, уже спустя два года, мне позвонили с незнакомого номера. В трубке был тот самый женский голос.

Он сказал:

— Спасибо, Игорь. Вы меня услышали.

Номер оказался не зарегистрирован.

3. Чужая бабушка

Рассказала Алёна, 27 лет.

Когда мне было двенадцать, родители отправили меня на лето в деревню к бабушке. Деревня была маленькая, почти вымирающая. Днём там было хорошо: речка, ягоды, пыльная дорога, куры, соседские дети. А вот вечерами становилось неуютно. Слишком тихо.

Бабушка жила на краю деревни. За её огородом начинался овраг, а дальше лес. Дом был старый, с низкими потолками и печкой. Спала я на раскладушке в маленькой комнате рядом с кухней.

В первую же ночь бабушка сказала:

— Если проснёшься и увидишь меня у кровати, не разговаривай.

Я решила, что она шутит.

— Почему?

— Потому что я ночью сплю. А ходит не я.

Сказала она это так спокойно, что мне стало холодно.

Я, конечно, почти не спала. Лежала и прислушивалась. В доме потрескивали стены, за окном шуршал куст сирени, где-то далеко лаяла собака.

Часа в три ночи я проснулась от того, что кто-то стоял рядом.

Я не слышала шагов. Просто открыла глаза и увидела си-

луэт у раскладушки.

Бабушка.

В длинной ночной рубашке, с седыми волосами, распущенными по плечам. Она стояла и смотрела на меня сверху вниз.

Я хотела сказать: «Бабуль, что случилось?» Но вспомнила предупреждение и зажала рот рукой.

Она наклонилась ниже.

Лица в темноте было почти не видно. Только глаза. Они казались слишком блестящими.

Потом она сказала:

— Алёнушка, дай руку.

Голос был бабушкин. Но говорила она как-то медленно, будто вспоминала слова.

Я молчала.

— Дай руку, маленькая. Я погадаю.

Я закрыла глаза.

Она стояла рядом очень долго. Я чувствовала запах — сырой земли и старой одежды. Потом её рука коснулась одеяла.

Пальцы были ледяные.

Я не выдержала и заплакала, но всё равно молчала.

Утром бабушка вошла в комнату с блинами и спросила, почему я такая бледная. Я рассказала.

Она поставила тарелку на стол и перекрестилась.

— Руку не дала?

— Нет.

— Умница.

Потом она показала мне свою комнату. Дверь на ночь была заперта изнутри. На крючок и на стул, подпертый под ручку. Бабушка действительно не выходила.

После этого каждую ночь она клала под мою подушку маленький нож и веточку полыни. Говорила, что так «чужая» не подойдёт близко.

Но чужая всё равно приходила.

Иногда стояла в дверях. Иногда сидела на стуле у окна. Один раз я проснулась от того, что она расчёсывала волосы моим гребнем. Долго, медленно. Гребень скрипел по волосам, хотя волосы у неё были не как у человека — сухие, шуршащие.

Я перестала спать по ночам.

На шестой день приехали родители. Бабушка встретила их странно: обняла маму и сказала:

— Забирайте ребёнка. Она ей понравилась.

Мама побледнела, но спорить не стала.

Когда мы уезжали, я увидела в окне моей комнаты бабушку. Она стояла за занавеской и смотрела на меня.

Я повернулась к настоящей бабушке. Она стояла у калитки.

Значит, в окне была другая.

Через несколько лет бабушка рассказала мне, что в этом доме до неё жила женщина, которая потеряла внучку. Девочка утонула в овраге после дождя. С тех пор в доме иногда

появлялась старуха и просила у детей руку.

Зачем — никто не знал.

Но бабушка сказала:

— Если бы дала, она бы тебя увела.

Я до сих пор не люблю, когда пожилые женщины называют меня Алёнушкой.

Особенно если я не говорила им своего имени.

4. Ночной пассажир

Рассказал Денис, 38 лет.

Я работаю таксистом больше пятнадцати лет. За это время видел всякое: пьяных, агрессивных, странных, плачущих, молчаливых. Но один пассажир до сих пор снится мне иногда.

Это было в конце октября. Ночь, дождь, город почти пустой. Приложение дало заказ от старой больницы до частного сектора на окраине. Время было 02:47.

Я подъехал к воротам больницы. Там стоял мужчина в тёмном пальто. Лет сорока, худой, с мокрыми волосами. Зонта у него не было, но он почему-то выглядел не промокшим, а просто серым.

Он сел на заднее сиденье.

— Доброй ночи, — сказал я.

Он не ответил.

В приложении был указан адрес: улица Садовая, дом 13. Я знал этот район. Тихий, старый, почти деревня внутри города.

Мы ехали молча. Радио шипело, дождь бил по стеклу. Я несколько раз смотрел в зеркало. Мужчина сидел неподвижно, руки на коленях, глаза опущены.

Минут через десять он сказал:

— Вы верите, что человек может не доехать домой?

Я подумал, что он пьян или пережил что-то плохое.

— Всякое бывает.

— Я тоже не доехал.

Мне стало неприятно.

— В смысле?

Он не ответил.

Когда мы подъехали к Садовой, навигатор начал странно себя вести. Стрелка крутилась, маршрут сбрасывался. Я знал дорогу, поэтому поехал сам.

Дом 13 оказался заброшенным. Окна заколочены, забор покосился, во дворе высокая трава. Я остановился.

— Приехали.

Мужчина поднял голову. В зеркале я увидел его лицо и чуть не нажал на газ.

Его глаза были открыты, но абсолютно пустые. Не слепые — именно пустые. Как мутное стекло.

— Здесь уже никто не живёт, — сказал он.

— Тогда куда вам?

Он медленно повернул голову к окну.

— Я просто хотел посмотреть.

Оплаты в приложении не проходило. Связь пропала. Я хотел сказать, что заказ надо завершить, но в этот момент мужчина наклонился вперёд и спросил:

— А вы сможете передать?

— Что передать?

— Скажите Лене, что я не ушёл. Я всё ещё еду.

Я открыл рот, но он уже вышел из машины.

Я видел, как он прошёл через калитку. Не открыл её. Именно прошёл. Сквозь.

Я сидел минут пять, не двигаясь. Потом связь вернулась. Заказ исчез из приложения, будто его не было.

На следующий день я не выдержал и поехал на Садовую днём. У соседнего дома увидел женщину лет шестидесяти, спросил про дом 13.

Она сразу насторожилась.

— А вам зачем?

Я соврал, что ищу старых жильцов.

Женщина рассказала, что в доме жила семья. Муж, жена Елена и маленький сын. Муж погиб лет двадцать назад. Ночью возвращался из больницы, где лежал ребёнок, и попал под машину. До дома оставалось меньше километра.

Елену потом увезли родственники. Дом забросили.

Я спросил имя мужа.

Женщина назвала.

То же самое имя было в заказе, который я успел увидеть ночью: Андрей.

Я не стал никому ничего передавать. Не знал кому. Да и что сказать? «Ваш муж всё ещё едет»?

Но через неделю мне снова пришёл заказ от старой больницы.

До улицы Садовой, дом 13.

Я отменил.

С тех пор, если ночью заказ начинается от больницы и ведёт в старый сектор, я сначала смотрю на имя пассажира.

Андрея я больше не вожу.

5. Пустая палата

Рассказала Светлана, 52 года.

Я проработала медсестрой почти тридцать лет. В больницах к смерти привыкаешь, но не становишься к ней равнодушной. Просто начинаешь понимать, что иногда человек уходит не сразу.

Это произошло в терапевтическом отделении. У нас была палата номер 6, двухместная. Обычная палата: две кровати, тумбочки, окно во двор, раковина у двери.

В одной из кроватей лежала женщина по имени Нина Сергеевна. Тихая, интеллигентная, с седыми волосами и очень добрыми глазами. Родных у неё почти не было. Только племянница, которая приходила редко.

Нина Сергеевна часто звала меня ночью.

— Светочка, посидите со мной минутку.

Я садилась. Она рассказывала про молодость, про мужа, которого давно похоронила, про дачу, яблони, кошку. Иногда говорила:

— Он скоро придёт.

— Кто?

— Муж. Обещал встретить.

Я не спорила. С пожилыми больными спорить нельзя.

Она умерла в среду, в 04:20 утра. Тихо. Я была рядом. Закрыла ей глаза, вызвала врача, оформила всё как положено.

Кровать потом освободили, бельё сменили, палату вымыли.

Вечером туда положили другую пациентку, молодую женщину с пневмонией. Но она пробыла там меньше часа. Потом вышла в коридор босиком, белая как стена, и сказала:

— Я там лежать не буду.

Мы подумали, что ей плохо. Спросили, что случилось.

Она сказала:

— На соседней кровати сидит бабушка и просит позвать Светочку.

Соседняя кровать была пустая.

Мне стало холодно, но я виду не подала. Пациентку перевели в другую палату. Ночью я специально зашла в шестую.

Пусто.

Я уже собиралась выйти, когда услышала:

— Светочка.

Голос был слабый, знакомый.

Я медленно повернулась.

На кровати у окна сидела Нина Сергеевна. В своей больничной рубашке, с косынкой на плечах. Такая, какой была при жизни. Только прозрачнее, будто сквозь неё проходил свет от окна.

Я не могла ни закричать, ни убежать.

Она улыбнулась.

— Он не пришёл.

Я стояла у двери и держалась за ручку.

— Кто?

— Муж. Наверное, не знает, где я.

Я не знаю, почему не потеряла сознание. Наверное, потому что за годы работы видела слишком много боли и одиночества.

Я сказала:

— Нина Сергеевна, вы умерли. Вам не нужно здесь оставаться.

Она посмотрела на соседнюю пустую кровать.

— А если он придёт, а меня нет?

Я вдруг вспомнила, что в её документах был домашний адрес. На следующий день после смены я нашла старый городской справочник, потом архивные записи. Муж Нины Сергеевны умер в другой больнице. Его похоронили на Северном кладбище.

После работы я поехала туда. Нашла могилу. Положила цветы и сказала вслух:

— Ваша Нина Сергеевна ждёт вас в шестой палате. Заберите её, пожалуйста.

Мне было неловко. Я стояла на кладбище и разговаривала с памятником. Но другого выхода не видела.

В ту ночь я дежурила снова.

Около четырёх утра в коридоре стало очень тихо. Даже лампы будто потускнели. Из шестой палаты донёсся мужской голос:

— Нина.

Потом женский плач. Радостный, облегчённый.

Я не зашла. Не смогла.

Утром палата была пустая. Но на кровати у окна лежала веточка яблони с белыми цветами.

Это было в декабре.

После этого в шестой палате больше никто никого не видел.

6. Голос из колодца

Рассказал Павел, 45 лет.

В детстве я каждое лето проводил у деда в деревне. Деревня была старая, почти вся деревянная: избы с покосившимися крышами, заборы из серых досок, заросшие огороды и один общий колодец на три улицы.

Этот колодец стоял у развилки. Глубокий, с деревянным срубом и тяжёлым воротом. Вода в нём была ледяная даже в самую жару. Бабушки говорили, что колодец «живой», потому что никогда не пересыхал.

Мне тогда было десять лет. Я был обычным деревенским на лето мальчишкой: бегал босиком, лазил по сараям, ловил лягушек и считал, что ничего не боюсь.

Однажды вечером дед попросил меня принести воды. Уже смеркалось, но до колодца было недалеко, и я пошёл один. В руках нёс два пустых ведра, они били меня по ногам и громко звенели.

У колодца было тихо. Только скрипели деревья и где-то в траве трещали кузнечики.

Я зацепил ведро за цепь, опустил его вниз. Сначала был обычный звук: цепь разматывается, ведро бьётся о стенки, потом глухой всплеск воды.

Я начал крутить ворот обратно.

И вдруг снизу кто-то сказал:

— Паша.

Я остановился.

Голос был детский. Мальчишеский. Он прозвучал не громко, но очень отчётливо, будто кто-то стоял не на дне колодца, а прямо рядом с водой.

Я наклонился над срубом.

Внизу была темнота. Совсем чёрная, густая. Вода не отражала небо, хотя сверху ещё светлело.

— Кто там? — спросил я.

Ответили не сразу.

Потом тот же голос сказал:

— Вытащи меня.

У меня похолодели руки.

Я подумал, что какой-то ребёнок действительно упал в колодец. Закричал, позвал деда, соседей. Но голос тут же сказал:

— Не зови взрослых.

Я замолчал.

— Почему?

— Они меня не слышат.

Я стоял и смотрел вниз. Мне было страшно, но ещё страшнее было уйти, если там правда кто-то был.

— Как ты туда попал?

Голос ответил:

— Давно.

Это слово прозвучало так странно, что я попятился.

Ведро всё ещё висело внизу, цепь была натянута. Я начал быстро крутить ворот. Хотел поднять воду и бежать домой.

Но ведро стало тяжёлым. Очень тяжёлым. Будто в него набрали не воду, а камни.

Я тянул изо всех сил. Ворот скрипел, ладони болели. Когда ведро поднялось почти к краю, я увидел пальцы.

Маленькие, серые пальцы держались за край ведра изнутри.

Я закричал и отпустил ворот.

Цепь с грохотом размоталась обратно, ведро рухнуло вниз. Из колодца раздался всплеск, а потом смех. Тихий, мокрый, булькающий.

Я побежал домой так быстро, что потерял одно ведро.

Дед, увидев меня, сразу всё понял. Даже не спросил, что случилось. Только взял фонарь, топор и пошёл к колодцу. Я хотел идти с ним, но он велел сидеть в доме.

Вернулся он через час. Бледный, злой. Сказал бабушке:

— Опять звал.

Я тогда услышал это и запомнил.

Позже дед рассказал мне, что много лет назад в деревне пропал мальчик. Его искали всем селом, но так и не нашли. Говорили, он играл у колодца. Потом люди начали слышать оттуда детский голос. Он звал по имени только детей.

Взрослые, действительно, ничего не слышали.

Колодец после этого хотели засыпать, но воды в деревне больше взять было негде. Тогда на него поставили новый

сруб, освятили, прибили железный крестик к крышке. На какое-то время всё стихло.

Но иногда голос возвращался.

После той ночи мне запретили ходить к колодцу одному. Воду носил дед.

Через два года деревню подключили к водопроводу, колодец закрыли тяжёлой бетонной плитой. Я думал, что на этом всё закончилось.

Недавно я ездил туда. Деда давно нет, дом стоит пустой. Деревня почти умерла. Колодец всё ещё на месте, плита потрескалась, вокруг вырос бурьян.

Я подошёл просто посмотреть.

И услышал из-под плиты тихий детский голос:

— Паша, ты вырос.

Я уехал в тот же день.

Дом продаётся уже третий год. Покупателям я про колодец не рассказываю.

Но если у них есть дети — отказываю сам.

7. Фото, которого не было

Рассказала Ксения, 31 год.

Я всегда любила старые фотографии. В них есть что-то особенное: лица людей, которые уже не смотрят на мир, комнаты, которых давно нет, платья, посуда, обои, случайные детали. Мне казалось, что фотография сохраняет не только изображение, но и кусочек времени.

После смерти бабушки мне досталась коробка со старыми семейными снимками. Большая обувная коробка, перевязанная синей лентой. Я забрала её домой и несколько вечеров разбирала фотографии на кухонном столе.

Там были снимки с дачи, свадьбы, школьные портреты мамы, дедушка в армии, бабушка молодая, красивая, с длинной косой.

На дне коробки лежал маленький чёрно-белый снимок, которого я раньше никогда не видела.

На нём была изображена комната. Кажется, та самая бабушкина спальня в старой квартире, где я бывала в детстве. У окна стояла кровать, рядом тумбочка, на стене висел ковёр. На кровати сидела девочка лет семи.

Я сразу поняла, что это я.

Та же стрижка, тот же сарафан в горошек, который я носила летом перед школой. Я сидела прямо, руки на коленях, смотрела в камеру.

Но рядом со мной стоял человек.

Высокий мужчина в тёмном костюме. Его лицо было смазано, будто он повернулся во время съёмки. Одна рука лежала у меня на плече.

Я не помнила такой фотографии. Более того, я точно знала: в бабушкиной спальне меня никогда не фотографировали. Бабушка не любила снимать дома, только на улице или праздниках.

Я показала снимок маме.

Она долго смотрела, потом сказала:

— Убери это.

— Что это?

Мама побледнела.

— Я не знаю.

Но по её лицу было видно, что знает.

Я стала настаивать. В итоге она рассказала, что когда мне было семь, я несколько недель жаловалась на «дядю у кровати». Говорила, что ночью ко мне приходит мужчина в чёрном, садится рядом и просит не кричать. Родители думали, что это сон. Потом я начала просыпаться с синяками на плече — как от пальцев.

Бабушка тогда забрала меня к себе на неделю. После этого всё прекратилось.

— А фотография? — спросила я.

Мама сказала, что никаких фотографий не было. Никто меня в той комнате не снимал.

Я не знала, что думать. Снимок оставила у себя, хотя мама просила выбросить.

Через несколько дней я решила его отсканировать. Положила на стекло сканера, запустила программу. На экране появился снимок, но уже другой.

Я сидела на кровати не одна.

Мужчина в чёрном стоял ближе. Его лицо всё ещё было смазанным, но теперь он наклонялся ко мне. Рука лежала не на плече, а на моей шее.

Я вскочила так резко, что стул упал.

Схватила оригинал. На бумажной фотографии он тоже изменился.

Я позвонила маме. Она приехала через полчаса. Увидела снимок и заплакала. Сказала, что бабушка тогда что-то делала. Молилась, жгла свечи, зашивала мне в подушку какую-то записку. Бабушка говорила: «Он метит, но не заберёт».

Мы решили сжечь фотографию.

Вышли во двор, положили её в старую металлическую миску. Мама поднесла спичку. Бумага долго не загоралась. Только чернела по краям и скручивалась.

Когда наконец вспыхнула, из огня донёсся тихий мужской смех.

Не громкий. Не театральный. Просто смешок человека, который знает, что его не победили.

После этого я думала, что всё закончилось.

Но через месяц на телефоне появилась фотография. В га-

лерее, среди обычных снимков. Дата стояла сегодняшняя, время — 03:12.

На фото была моя спальня. Снятая сверху, будто кто-то стоял у изголовья кровати.

Я спала.

А рядом со мной, у стены, виднелся край тёмного пиджака.

Я переехала из той квартиры. Сменила телефон. Удалила все копии.

Иногда мне кажется, что я избавилась от него.

Но каждую новую фотографию я всё равно сначала увеличиваю и смотрю в тёмные углы.

8. Сосед сверху

Рассказал Артём, 29 лет.

Я снял эту квартиру из-за цены. Однокомнатная, метро рядом, мебель есть, хозяйка спокойная. Единственный минус — старый панельный дом с тонкими стенами. Но за такие деньги я был готов слушать соседей.

Первую неделю всё было нормально. Потом начались шаги сверху.

Обычные тяжёлые шаги. Как будто человек ходил из комнаты на кухню и обратно. Проблема была в том, что сверху никто не жил.

Я знал это точно. Квартира над моей была пустая после пожара. Дверь опечатана, окна тёмные, хозяйка ещё при просмотре сказала:

— Сверху никого нет, так что будет тихо.

Тихо не было.

Шаги начинались ровно в 23:40. Сначала медленно: туда, обратно. Потом быстрее. Иногда слышалось, как двигают стул. Один раз что-то тяжёлое упало прямо над моей кроватью, и с потолка посыпалась пыль.

Я решил, что туда лазят подростки или бездомные. На следующий день поднялся этажом выше.

Дверь действительно была опечатана. Лента старая, но целая. Замок заржавевший. На двери чёрное пятно от копоти,

вокруг глазка пузырями вздулась краска.

Я постучал.

Конечно, никто не ответил.

Ночью шаги начались снова.

Я не выдержал. Вышел на лестницу, поднялся наверх и встал перед дверью с телефоном в руке. Изнутри квартиры доносились шаги. Не через потолок, не приглушённо, а прямо за дверью.

Кто-то ходил там.

Я нажал запись видео.

— Эй! — сказал я. — Кто там?

Шаги остановились.

Потом за дверью послышалось шарканье. Медленное, тяжёлое. Кто-то подошёл к двери с той стороны.

Я увидел, как потемнел глазок.

Меня будто кипятком облили. Значит, там кто-то был и смотрел на меня.

Потом из-за двери раздался хриплый мужской голос:

— Ниже живёшь?

Я не ответил.

— Слышно меня?

Я попятился.

Голос сказал:

— А мне тебя слышно.

Я сбежал к себе и заперся. Всю ночь просидел с включённым светом.

Утром пошёл к участковому. Он нехотя вызвал управляющую компанию. Вскрывали квартиру при мне, хозяйке и двух соседях.

Внутри всё было выгоревшее. Чёрные стены, обвалившаяся штукатурка, запах старой гари. Никаких следов жизни. Пыль лежала ровным толстым слоем.

Но в центре комнаты, прямо над моей кроватью, на пыли были следы босых ног.

Они шли кругами.

Соседка с пятого этажа, пожилая женщина, потом рассказала мне, что в той квартире много лет назад погиб мужчина. Пожар случился ночью. Он был один, не смог открыть дверь, потому что замок заклинило. Соседи слышали, как он ходил по квартире и стучал в пол, пока не задохнулся.

— Он теперь всех снизу слышит, — сказала она. — Раньше там семья жила, так они через месяц съехали.

Я спросил хозяйку, знала ли она об этом. Она отвела глаза.

После вскрытия квартиру снова закрыли. Шаги не прекратились.

Только теперь они начинались не в 23:40, а когда я ложился спать. Иногда над головой кто-то останавливался, и я слышал, как в потолок скребут ногтями.

В последнюю ночь перед переездом я проснулся от запаха дыма.

Комната была тёмная, но у потолка клубилась серая полоска. Сверху донёсся голос:

— Открой.

Я понял, что он говорил не про свою дверь.

Он хотел, чтобы я открыл ему.

Я выбежал из квартиры прямо в футболке и босиком. Больше туда не возвращался. Вещи забирали друзья днём.

Через год я увидел объявление о сдаче той же квартиры. Красивые фотографии, новый диван, свежие шторы.

В описании было написано: «Тихие соседи».

Я чуть не рассмеялся.

9. Девочка у дороги

Рассказала Наталья, 36 лет.

Я не люблю ездить ночью по трассе. Не потому что боюсь темноты. Просто ночью дорога становится другой. Днём ты видишь поля, деревни, заправки, машины. А ночью есть только свет фар и чёрная пустота за ним.

Это случилось зимой. Я возвращалась от сестры из соседнего города. Задержалась, выехала поздно. Было около половины первого ночи. Снег шёл мелкий, сухой, трасса пустая.

До дома оставалось километров сорок, когда я увидела девочку.

Она стояла на обочине.

Лет восемь или девять. В светлой куртке, шапке с помпоном, без варежек. Просто стояла у дороги и смотрела на машины. Машин, кроме моей, не было.

Я проехала мимо метров двадцать и резко затормозила.

Первой мыслью было: ребёнок потерялся. Может, авария, может, вышла из машины, может, родители где-то рядом.

Я включила аварийку, взяла телефон и вышла.

Холод ударил в лицо. Вокруг было тихо, только двигатель работал и снег шуршал по куртке.

— Девочка! — позвала я.

Она не ответила.

Стояла спиной ко мне.

Я подошла ближе.

— Ты потерялась? Где родители?

Она медленно повернула голову.

Лицо было обычное. Бледное, испуганное. Глаза большие, губы синие от холода.

— Тётя, отвезите меня домой, — сказала она.

Я сразу открыла заднюю дверь.

— Садись, погреешься.

Она села. Я дала ей плед, который лежал на заднем сиденье, включила печку сильнее.

— Как тебя зовут?

— Лиза.

— Где ты живёшь?

Она назвала деревню, которую я знала. Она была как раз по пути, километрах в десяти дальше.

Я спросила, как она оказалась на трассе. Девочка смотрела в окно и молчала. Я не стала давить. Позвонить кому-то она не могла: телефона не было.

Пока мы ехали, мне становилось всё более неуютно. В салоне было жарко, но стекло рядом с девочкой покрывалось инеем изнутри. В зеркале я видела, что она сидит очень прямо, руки лежат на коленях. Плед с неё сполз, но она не пыталась укрыться.

— Тебе не холодно? — спросила я.

Она ответила:

— Уже нет.

Когда мы подъехали к деревне, Лиза сказала:

— Остановите у остановки.

— Тебя проводить?

— Не надо. Мама ждёт.

Я остановилась. Девочка вышла, закрыла дверь и пошла к домам. Я смотрела ей вслед. Она прошла несколько шагов и исчезла за снежной пеленой.

Только тогда я заметила, что на заднем сиденье нет следов снега. Ни капли воды. Плед лежал сухой.

Дома я долго не могла уснуть. Утром решила позвонить в полицию: мало ли, ребёнок действительно был в беде. Описала ситуацию.

На том конце провода долго молчали, потом спросили, где именно я её подобрала.

Когда я сказала, дежурный вздохнул.

Оказалось, пять лет назад на том участке трассы погибла девочка. Её звали Лиза. Машина, в которой она ехала с матерью, слетела в кювет. Мать выжила, девочка умерла до приезда скорой.

Я почувствовала, как у меня немеют пальцы.

— Но я довезла её до деревни, — сказала я.

Дежурный ответил тихо:

— Вы не первая.

Позже я узнала, что мать Лизы действительно живёт в той деревне. Я не пошла к ней. Не смогла.

Но теперь, если еду ночью и вижу на обочине людей, всё

равно останавливаюсь. Вдруг кому-то правда нужна помощь.

Только заднюю дверь больше никогда не открываю сразу. Сначала спрашиваю имя.

10. Дом, который не хотел продаваться

Рассказал Сергей, 50 лет.

Этот дом достался мне от отца. Небольшой, деревянный, в посёлке у реки. Я сам в нём не жил, приезжал только летом. После развода решил продать: деньги были нужны, а содержать старый дом не хотелось.

Покупатель нашёлся быстро. Молодая семья из города. Им понравился участок, сад, баня, близость к воде. Мы договорились о цене, назначили день сделки.

За день до подписания документов я приехал проверить дом.

Сначала всё было как обычно. Открыл ставни, проветрил комнаты, подмёл пол. Потом заметил, что в большой комнате на стене висит отцовская фотография.

Я её точно снимал.

После похорон отца я убрал все его снимки в коробку и отвёз в город. На стене оставался только светлый прямоугольник от рамки. А теперь фотография снова висела на гвозде.

Отец смотрел с неё строго, как при жизни.

Я решил, что сам забыл. Снял рамку, положил в сумку.

Потом пошёл на кухню.

На столе лежали три свежих яблока.

У нас в саду росла старая яблоня, но в тот год она почти не плодоносила. К тому же был апрель. Никаких свежих яблок быть не могло.

Я подумал на соседку. Может, заходила, оставила. Хотя ключей у неё не было.

Вечером приехали покупатели ещё раз посмотреть дом. Жена ходила по комнатам, улыбалась, обсуждала, где поставить детскую кроватку. Муж осматривал крышу.

И вдруг их маленький сын, лет пяти, заплакал.

Он стоял у двери в спальню и показывал пальцем внутрь.

— Там дедушка злой.

Мы заглянули. Комната пустая.

Я попытался пошутить, но мальчик плакал всё сильнее.

— Он сказал, чтобы мы уходили. Это его дом.

Покупатели переглянулись. После этого они стали заметно холоднее. На следующий день позвонили и отказались от сделки.

Я разозлился. Решил, что ребёнок испугался старого дома, а родители суеверные.

Через месяц нашлись новые покупатели. История повторилась почти полностью. Только на этот раз женщина сама увидела в окне мужской силуэт, когда мы стояли во дворе. В доме никого не было.

Потом были третьи. У них во время просмотра в прихожей упало зеркало. Само. Разбилось на мелкие осколки. Покупатель порезал руку и сказал, что это плохой знак.

Дом не продавался два года.

За это время происходили странные вещи. Я приезжал и находил печь тёплой, хотя никто не топил. В спальне пахло отцовским табаком. На крыльце появлялись следы тяжёлых сапог. Иногда ночью, если я оставался там спать, слышал, как кто-то ходит по сеням и кашляет.

Отец при жизни очень любил этот дом. Он сам его строил, каждую доску знал. Перед смертью сказал мне:

— Не продавай. Дом чужих не примет.

Я тогда не ответил. Думал, старик просто sentimental.

Однажды я всё-таки нашёл человека, который был готов купить дом несмотря ни на что. Он смеялся над моими рассказами, говорил, что ему всё равно, лишь бы цена была ниже.

Мы ударили по рукам.

В ночь перед сделкой мне приснился отец. Он сидел на крыльце, курил и смотрел на реку.

— Последний раз говорю, — сказал он. — Не отдавай.

Я проснулся от запаха дыма.

В доме горела кухня.

Не сильно, будто кто-то специально поджёг занавеску и сразу потушил. Огонь успел обуглить стену возле окна. На закопчённой доске пальцем было написано:

«Моё».

После этого я снял дом с продажи.

Сейчас я приезжаю туда каждые выходные. Чиню крышу,

кошу траву, топлю баню. Иногда вечером ставлю на стол три яблока и наливаю отцу рюмку.

Наутро рюмка всегда пустая.

Я не знаю, что об этом думать.

Но дом больше не злится.

11. Третья кровать

Рассказала Ольга, 24 года.

В детском лагере я работала вожатой только одно лето. Больше не смогла. Не из-за детей. Дети были нормальные: шумные, вредные, смешные, иногда невыносимые, но живые и настоящие.

А вот третий корпус был неправильный.

Лагерь находился в сосновом лесу, в старых советских зданиях. Корпусов было четыре, но третий давно не использовали целиком. В нём жили только два отряда на первом этаже, а второй был закрыт «на ремонт», хотя никакого ремонта там не делали.

Мне дали комнату на первом этаже. В комнате стояли две кровати для вожатых, шкаф и тумбочка. Но когда я зашла, увидела три кровати.

Третья стояла у стены под окном. Узкая, железная, с серым одеялом.

Я спросила завхоза, зачем она.

Та нахмурилась:

— Какая третья?

Мы пошли вместе. В комнате было две кровати.

Я решила, что устала с дороги.

Первые дни всё было нормально. Потом девочки из моего отряда начали жаловаться, что ночью по коридору ходит

«маленькая». Я думала, они пугают друг друга.

— Какая маленькая?

— Девочка. В ночнушке. Она спрашивает, где её кровать.

Я строго запретила им рассказывать страшилки после отбоя.

В ту же ночь я проснулась от скрипа.

В комнате было темно, только луна светила в окно. Моя напарница спала на соседней кровати.

А у стены под окном снова стояла третья кровать.

На ней кто-то лежал.

Я видела силуэт под серым одеялом. Маленький, детский. Одеяло поднималось и опускалось, как от дыхания.

Я лежала без движения и убеждала себя, что сплю.

Потом из-под одеяла послышался шёпот:

— Это моя кровать.

Я зажмурилась. До утра больше не открывала глаза.

Утром кровати не было.

Я рассказала начальнице лагеря. Она долго молчала, потом сказала, чтобы я не пугала детей и не распускала слухи. Но после разговора перевела мой отряд в другой корпус. Без объяснений.

Я могла бы забыть об этом, если бы не одна девочка из отряда, Катя. Перед переездом она подошла ко мне и спросила:

— А почему та девочка не едет с нами?

— Какая?

Катя показала на мою комнату.

— Ну та, которая спит у вас на третьей кровати.

Я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги.

Позже одна старая воспитательница рассказала мне, что в восьмидесятые годы в лагере умерла девочка. Ночью ей стало плохо, а вожатые не сразу заметили. Она спала на дополнительной кровати, которую поставили у окна, потому что мест не хватало. После этого ту кровать вынесли, второй этаж закрыли, историю замяли.

— Она не злая, — сказала воспитательница. — Просто всё ищет, где её место.

Последнюю ночь перед моим отъездом я снова увидела третью кровать.

Она стояла посреди комнаты.

Одеяло было аккуратно заправлено. На подушке лежала старая лагерная панамка с выцветшим номером отряда.

Я не знаю, зачем я это сделала. Наверное, из жалости. Я подошла и тихо сказала:

— Здесь твоё место. Спи спокойно.

Кровать скрипнула, будто кто-то лёг.

Потом из темноты донеслось:

— Спасибо, Оля.

Я не говорила ей своего имени.

Утром кровать исчезла. Вместе с панамкой.

После той смены я уволилась. Лагерь закрыли через три года.

Недавно я нашла в интернете фотографии заброшенного

третьего корпуса. На одном снимке, сделанном через разбитое окно, видна комната вожатых.

У стены под окном стоит железная кровать.

12. Звонок после похорон

Рассказал Михаил, 39 лет.

Мой младший брат Саша умер внезапно. Сердце. Ему было всего тридцать два. До этого он ни на что серьёзное не жаловался. Просто однажды утром не проснулся.

Мы похоронили его в субботу.

Я не буду подробно рассказывать про похороны. Кто терял близких, тот знает это состояние: всё происходит будто через стекло. Люди говорят, обнимают, плачут, что-то советуют. А ты киваешь и не понимаешь, как мир может продолжать двигаться.

После поминок я вернулся домой почти ночью. Жена уложила детей у тёщи, чтобы дома было тихо. Я сел на кухне, открыл бутылку воды и впервые за несколько дней остался один.

Телефон зазвонил в 23:18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.